

Сразу после развода с Гумилёвым Анна Ахматова оформила свои фактические отношения с Владимиром Казимировичем Шилейко (востоковед, искусствовед). Этнические корни литовские, убеждённый протестант. Учёный, который читал, как простые письма, ассирийскую клинопись с 14-ти лет. Знакомы они (Владимир и Анна) были несколько лет, встречались в «Бродячей собаке». Шилейко был и тонким лирическим поэтом, его печатали в литературных журналах и альманахах. Поэтика его была близка к акмеизму.

«К нему я сама пошла... Чувствовала себя такой чёрной, думала — очищение будет», — цитирует Павел Лукницкий слова Анны Ахматовой. Правда, позже она будет называть этот брак мрачным недоразумением, а Шилейко называл ее Анечка...

В. Шилейко был дружен и с Николаем Гумилёвым, который в июне 1914 года даже жил в квартире у Шилейко на 5-й линии Васильевского острова. Этот период был одним из самых сложных в супружеских отношениях Гумилёва и Ахматовой.

Гумилёв был влюблён в Татьяну Адамович, которая решительно требовала определённости в их отношениях. Татьяна Адамович сестра поэта Георгия Адамовича, выпускница Смольного института, позднее серьёзно увлеклась модной тогда ритмической гимнастикой и работала с Мейерхольдом. Их роман с Гумилёвым продолжался почти три года и не был тайной ни для Анны Ахматовой, ни для матери Гумилёва, ни для поэтического общества.

Сам Гумилёв позже ссылался на этот период своей жизни как на «период Адамович». Длился этот период до 1916 года. Гумилёв искал пути официального развода с Анной Ахматовой, но развод по разным причинам не состоялся. Главной причиной был сын Лев, который, по условию Ахматовой, должен был остаться в случае развода с ней... Думаю, Анна Андреевна прекрасно сознавала, что для матери Николая Гумилёва, а, значит, и для самого Гумилёва, это условие будет неприемлемым: единственный внук, наследник, который с первого (!) месяца от рождения находился на попечении доброй бабушки в Слепнёво, — фамильном имени Гумилёвых.

В декабре 1918 г. Анна Андреевна поселилась у законного супруга Шилейко в его квартире в Северном флигеле Фонтанного Шереметевского дома. С этого периода она носит двойную фамилию Ахматова-Шилейко. Позднее чета переехала в Мраморный дворец на улицу Миллионную, в новую служебную квартиру Шилейко, полагавшуюся ему от Эрмитажа. Этот брак был недолгим, около пяти лет. Шилейко оказался не тем, кем казался, по отзывам самой Ахматовой... «Как муж он был катастрофой в любом смысле», — повторяла она многим. Этот, конечно, странный отзыв, зафиксирован ближайшим окружением Ахматовой в многочисленных мемуарах. Говорят, домашнее имя «Акума» дал Ахматовой именно Шилейко. На японском это имя означает «Злой дух»... Так позднее называл её Николай Пунин. Вторая супруга Владимира Шилейко и его многочисленные коллеги по Эрмитажу и университету оставили в своих воспоминаниях потомкам образ добрейшего человека, бесконечно и страстно увлечённого вопросами культуры и письменности древнейших народов Востока, щедро делившимся своими находками, идеями, знаниями. Профессор, поэт, переводчик.

Да, он был далёк от рутинного быта. Был болен туберкулёзом с юности. Говорят, в его квартире в Фонтанном доме не было даже кастрюли, только чайник. Очень высокий и очень сутулый, Владимир (подлинное имя Вольдемар-Георг-Анна-Мария)

Владимиром Шилейко

Шилейко спасался горячим крепким чаем, работая по ночам. По месту службы он получал продовольственные талоны, которые надо было отоваривать в очередях. Двадцатые годы двадцатого века. Ещё не НЭП. Такое голодное и страшное время!.. И талоны-то были разными, и не всем они полагались... Вот в этих очередях на отоваривание, бывало, стояла его супруга — величественная (уже тогда!) Анна Ахматова.

О чем опять же «плачут» приближённые из ахматовского круга? Лично мне их не понять, а как должно было тогда быть?.. Вероятно, в служебное время в очередях должен был стоять профессор Шилейко. А кто тогда принесёт в гостеприимный дом талоны на питание? Сегодня, к счастью, при малейшем интересе к этой личности можно свободно найти много интереснейшей информации. Меня впечатлили глубокие работы В. Шилейко по ассирийской культуре. В области религиоведения В. Шилейко известен как исследователь месопотамских заговоров, молитв, календарных и гадательных текстов. Такие люди всегда были «штучными»... Их мир был «штучным». Это не тиражируется. Уникум, во многом самоучка. Признан востоковедами за рубежом. Многие его смелые догадки и гипотезы были позднее подтверждены научными исследованиями других авторитетных востоковедов. Это будет много лет спустя, после его ранней смерти.

Так что это просто ирония судьбы, что Владимир Шилейко известен «широкой общественности» более как второй муж Анны Ахматовой. Жестокая ирония... Широко известен факт, что Шилейко слыл «вечным студентом» в кругу собратьев-поэтов. Он с золотой медалью окончил Петергофскую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский университет, изучая древние восточные культуры. Однако, был исключён из списка студентов за неоплату обучения в университете (задолженность за два года). Семья его была совсем не из богатых... Подлечился, в 1913 году опять вернулся в «студенты». Жил в студенческом общежитии. На войну в 1914 призван не был: состояние здоровья не позволяло.

Седенький книжный торговец
Хмурые книги раскрыл,
Мудростью пыльных пословиц
Серое сердце кормил.
Так утешительных мало
Только одна и мила:
«Если бы молодость знала,
Если бы старость могла!»
(В. Шилейко, 1915)

Однако в январе 1917 года он всё-таки был мобилизован. Прослужил рядовым в войсках более шести месяцев, по состоянию здоровья в августе 1917 уже был уволен из пехотного полка. В этом же году опубликовал еще два текста с «шумерийских таблеток».

Очень яркие воспоминания о Владимире Шилейко оставил ценимый мною Георгий Иванов, поэт и близкий товарищ, если не друг, многих известных нам персонажей из круга акмеистов. Его «Магический опыт», литературно-мемуарный очерк, был осмыслен и написан в эмиграции, то есть без цензуры. Его воспоминания о Шилейко ниже. «Тайна» истории проживания в Фонтанном доме (забавная!) здесь же.

«...Шилейко похож на веселого бурша. Ему за тридцать, да и для своего возраста он старообразен. Он смугл, как турок, худ, как Дон-Кихот, на его птичьим длинном носу блестят стальные очки. На его сутулых, до горбатости, плечах болтается выгоревшая николаевская шинель с вытертыми в войлок бобрами. Дедовская шинель.

...Крайности и странности в биографии Шилейко продолжались всю жизнь. В 1914 г. ему была предложена кафедра египтологии где-то в Баварии. В договоре было обусловлено, что Herr Doktor должен прибыть к месту службы к 15 августа. Через год Шилейко получил наследство в десять тысяч рублей. Оставил их ему приятель детства, полусумасшедший, но одарённый изобретатель М., придумавший какую-то особую ручную гранату.

...Десять тысяч были уже полностью истрачены на книги, на персидский ковёр, такой большой, что он покрывал обе стенки, пол и кусок потолка Шилейкиной комнаты (из общежития он переехать не пожелал), на бесконечные попойки и раздачи направо и налево в долг, — когда Шилейко мобилизовали. На войне ему побывать не пришлось. Где-то он случайно познакомился с графом С.Д. Шереметевым. Через несколько дней после этой встречи похожего на Дон Кихота вольноопределяющегося из студентов с одним из блистательнейших русских вельмож у Шилейки был белый билет, тёплая шуба, кабинет и спальня, обставленные карельской берёзой в Шереметевском дворце на Фонтанке. В первый раз в жизни он спал на чистом белье, и лакей приносил ему в кровать утренний завтрак. Шилейко потребовал было, чтобы ему давали с утра пиво, но услышал в ответ, что их сиятельство велят “пить кофе и кушать овсянку”.

Случившаяся Революция вместе с графом Шереметевым выгнала из дворца на Фонтанке и Шилейку. Поселившись в комнате на третьем дворе у “благородной вдовы”, он признался, что

перемена обстоятельств пришлось очень кстати. Граф Шереметев с овсянкой и карельской березой смертельно ему надоел. Надоела вдруг и египтология. Он решил попробовать силы на новом поприще: начал десятками писать стихи. Стихи были недурные, о луне и о розах. Для вдохновения Шилейко включил в утренний завтрак, кроме пива ещё и водку. Нос его начал быстро заостряться, щёки проваливаться и зловеще темнеть. Он был счастлив. Революция ему необыкновенно нравилась, хотя из духа противоречия он разыгрывал перед робкими ещё большевиками монархиста, крепостника и контрреволюционного заговорщика. Туберкулёз его все увеличивался. Он кашлял кровью и строил планы на будущее. Планы были разные. Он хотел восстановить культ богини Иштар и издать стихи Пушкина в его, Шилейки, исправлении, а также не прочь был, если позволит здоровье, поступить в мореходные классы».

Вот такой очень нескучный персонаж.

...Умер Владимир Шилейко в 1930 г. в Москве, куда он незадолго до смерти переехал по долгу службы, в возрасте неполных 40 лет от туберкулёза. Похоронен на Введенском кладбище Москвы.

Во втором — коротком, но счастливом — браке у него родился сын. Так что Шилейко продолжают свой род. Слава Богу.

И напоследок — стихи В. Шилейко, датированные 1915 годом:

Господь мой! Видишь, как Тебе
Всё сердце, вся душа открыты,
В одной возвышенной мольбе,
В благословляющей, излиты.
Ты наделил мои года
Однообразною дремотой,
Упорством крайнего труда,
Стыдом, и страхом, и заботой.
Но ЭТУ жизнь наполнил Ты
Такой неслыханной мечтою,
Такое небо красоты
Раскрыл в ней повестью простою,
Что, как могу, благодарить
За это огненное счастье, —
Её святую близость пить,
Вино вечернего причастья?

Не чудесно ли? Бесконечно интересно читать и писать о таких людях, замечательных в своей разности и талантливости.

Санкт-Петербург